

Эльвира Пархоц

В НОЧНОЕ

Стихи и проза

АО «Воронежская областная типография»

Воронеж

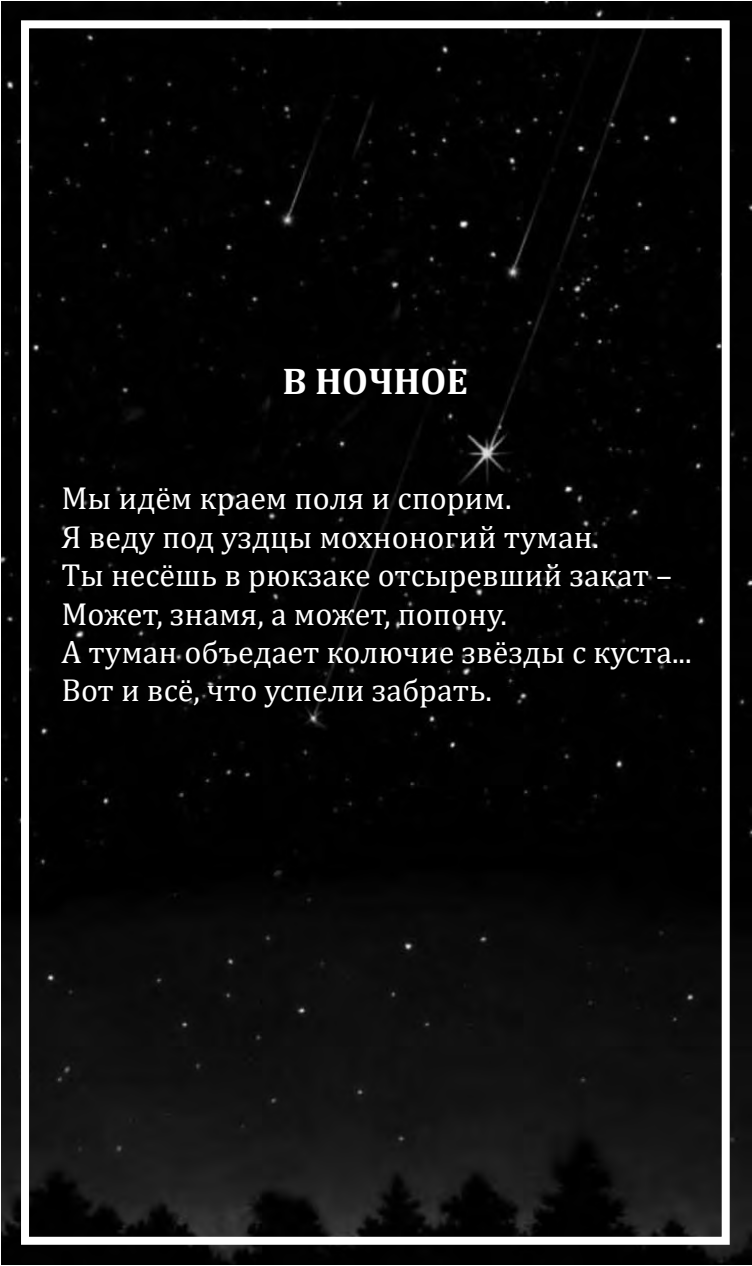
2025

УДК 821.161.1(08)
ББК 84(2=411.2)6я44
П 18

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Воронежской области*

П 18 Пархоц Эльвира.

В ночное. Стихи и проза. – Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2025. – 96 с.

В НОЧНОЕ

Мы идём краем поля и спорим.
Я веду под уздцы мохноногий туман.
Ты несёшь в рюкзаке отсыревший закат –
Может, знамя, а может, попону.
А туман объедает колючие звёзды с куста...
Вот и всё, что успели забрать.

* * *

Дождь шуршит, как серебряный стог.
Под окном – топоточек капли.
Чешет облако серый истрёпанный бок
О скрипучие петли.

По-старинному теплится яканьем речь:
«Прíдя твой. Погуляя – и прíдя».
Протянуться бы дымом,
на волглых покосах прилечь
И вплестись в полотно – нитью.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НА ПЕЧИ

Мы не виделись тридцать лет
И три года. Лежу на печи.
Ходит кот за окном –
Старый, дымчатый ветер.
Да ещё хорохорятся девки:
Понавесили красные бусы...
А приедет по осени свашка
Золотистые косы и рвать и метать –
Будут плакать.

Мы не виделись тридцать лет.
Ни вестей от тебя, ни предвестий.
Окунает в кадушку луна
Кружевной, шитый пылью рукав.
Кличет в поле сверчок придорожный.
Мне б уснуть... С косогора звезда
Покатилась в ольховые яры...
Тихо! – слышу – идут:
 По камням – клюка,
 Как по сердцу – слова,
 Первый дождь по стеклу,
 За дверное кольцо
 Ухватила рука,
 Заходите, раз так, –
То калики идут
Перехожие.

– Нелегка нам дорога легла.
Дай воды. Дай колодезной,
 той.

– Из колодезя рада бы – я
Тридцать лет неходячая.
– Встань.

Свесив ноги с печи, –
По дощатому полу,
Босиком – по двору
Да по мокрым бурьянам;
Ржавый ворот скрипит –
Потянуло ведро,
Будто рыба за леску,
За цепь.

– Выпей ты. Мы – потом.

Сила полынной земли
В этой стозвонной воде.
Горечь сожжённых сёл
Да переливчатость песен,
Холод булатных небес.
Хлынула в душу,
Вымыла боли,
Вынесла старый сор...

– Землю не перевернёшь.
Хватит полсилы с лихвой.
Пой да гуляй – не пей,
Будет и твой
Бой.

.....

Солнце-хозяйюшка
В жёлтых лаптях

Ходит, считает
Рассветные сны.
То ли привиделись,
То ли взаправду –
Стыннут следы
Перехожих калик.

Осторожно слезаю с печи.
Шаг, другой...
Опершись о просевшую раму –
На пороге,
 где ветра вволю,
Стала прямо.
 До самых зорь
Размотался клубок дороги.

...Завивается посвист над полем.
Алый конь у заката ходит.
Как поймаю его – так поеду,
Разузнаю, чья в поле трель.

Мы не виделись тридцать лет.
Ты узнаешь меня теперь?

КАЛИКА ПЕРЕХОЖИЙ

Вот дорога моя,
А вот слово твоё –
Неоточенным камнем
в котомке.

Тяжело
нести мне его,
Тянет к пыли, к траве
обочинной.

А и бросить его – пропадёт
Самоцветным сияющим колосом
На чужом, на нехоженном поле
В безветрии.

СТЕПНОЙ ПЛАЧ

– Не шалфей цветёт,
Не заря –
За рекой моей
Хаты горят.
Ужли ночь,
На которую нет рассвета,
Ты ли это?
– Я.

– На безродной земле –
Ветра́:
Перекатная голь,
В чёрной пы́ли.
Слышен грай воронья.
Ты ль – та самая боль,
Век живи – не излечишь,
Ты ли?
– Я.

– А придут,
Чуждой речью звеня,
Пепелище занять
Да ковыль ископытят окрестный...
Мои руки пусты,
В горле тесно:
Влёт стрелой – мою песню
Ты?
– Я.

– То, что было,
Уже не забыть.

Чего не было –
Не вернёшь.
Кто из старой косы
Делал нож
И ходил на судьбу,
Хоть боялся ночной темноты?..
– Ты.

КРЫЛЬЯ

Ветер в лицо.
Птичий щебет,
 как детский смех.
И толпа внизу –
Неспокойное озеро –
Ждёт.

На колокольне стою.

Нет бы ткать,
 вышивать закатные солнца –
А мне надо самой
 к солнцу!

По ночам
 собирала жар-птицыны перья
Вдоль заросших тропинок.
На рассвете срезала
Несечёные волосы ив.
По углам – дымы паутин
В моём доме... А я
Мастерила и ладила – крылья!

Золотые, словно вечерние листья.
Чтобы встретить восход
И лететь за моря
Заповедных лесов и степей...
Кто бы верил.

На колокольне стою.
Сколько здесь до меня вот так?

Ветер щупает новые крылья
И подталкивает: «Лети».

Кто бы верил...

Тысячи глаз.

Вот блеснули одни – в светло-карих
И испуг, и призыв:

«Ну же... *Падай*».

Вот другие, древесно-серые –
Плачут

или слезятся от солнца:

«Говорила тебе, чудачка...

Ты не слушала. Поздно! падай

И не мучь меня:

Ведь – любила...»

Вот и третьи глаза – бесцветные,
Будто лёд в половодье:

«Рано.

День нелётный, крепления слабы.

Жаль задумку... Да падай, падай».

Мои крылья – прочные, лёгкие,

Но поднимет их – только вера.

Сорный смех растёт над толпой.

«Падай», – ветер шепнул со вздохом.

К чёрту!

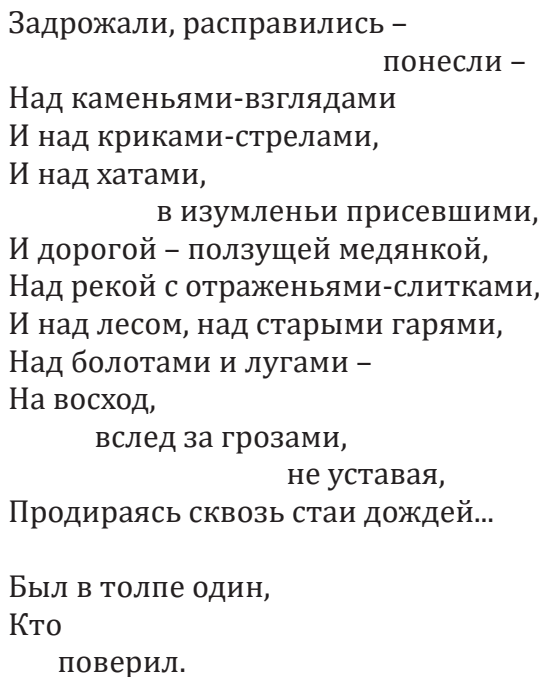
Шаг с колокольни,

руки раскинув, –

Разбивайся-гори...

Подхватил воздух крылья,

Как вода – сухие листья.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ О МЕСЯЦЕ

Месяц, лохматый дед,
Рыжая шапка – два уха,
По ольховым лесам идёт
Тихо-тихо в туманах-валенках.

Собирает озябшей рукой
В буреломах закаты-яблоки;
Расставляет, шурша камышом,
На реке золотую сеть.

Кто в неё попадёт – не избудет печали,
Травяных, горьковатых осенних дум.
И тягучая песня – рябиновый мёд –
Растечётся зарёй в перелесках.

ПЕСНЯ ЮРОДИВОЙ

*Что мне дал отец и родичи
дали в придачу, то за ним.*

Берестяная грамота

– Для чего ты босая бредёшь
По замёрзшей, по зимней земле?
– Напоследок запомнить её.
Вороньё мою землю растащит
Из-под ног. Ничего не поделаю –
Не сгоню, да и людям не крикну:
Будет боязно, сонно и некогда.

– Где же тот, за кого тебе пелось?
– Он как был – всё один и с другой.
Мы расходимся дальше и дальше.
Что казалось моим, то за ним.
И устала без снега лежать
Молчаливая русая степь.

– Обогрей хоть закатом руки.
– Не пускают меня до заката.
Приближаюсь – он дальше, дальше,
Покрываясь ночной золой...
Не осталось в полях тепла.
И безликое ходит Лихо.
Для чего-то бредёт босиком
По замёрзшей, по зимней земле.

ВЕДОГОНИ

Отзвенела наша рожь
Золотыми святыми звонами.
И кого ты, ветер, ждёшь
Мелколесьем, межами сонными?
Растерялись наши дни
Черепками разбитой осени.
Ведогонь свивает нить
Паутин на небесной росстани.

По рассветной траве,
Глядя вверх,
Я пройду,
 задевая кусты черёмух.
Услыхав колокольца птиц,
Пораспустит вязанье дрёма –
Шерстяную туманную нить.

Крещена я водой криниц,
Отшептали меня стернй
Да лозинник отпел
 белый.
Уж не стану тебя винить:
Что предписано – то и делай
(А судьба твоя, знать, такая ж).

Зябнут руки, как на свиданье.
На десяток шагов воли дай мне.
На поляне, у пегого камня,
Меня расстреляешь.

Жаль полынных небес
Да нескитанных вёрст.
Лес –
Тихим эхом в груди:
 подожди...

Жаль
Желторогой козы – чёрной ночи,
Что по крыше цокочет
Копытцами звёзд;
Да косматого рыжего пса,

Что бежит голубыми лугами;
Жаль
Светло-ярых озёр овса
С тополиными берегами,
И приснившихся дивовых гор,
И тропинок нехоженных...
Жаль –

Мы похожи с тобой, похожи...
Слышу:
щёлкнул затвор.

...Ветер гасит холодное
пламя ослинника.
Травные слёзы горят.
Из корзинки ольховой
брусникой
Раскатилась заря.

ЛУГОВОЕ ОКНО

Не носить из избы
сор,
Пусть он копится до потолка,
А соседям в лицо
лгать,
Добела подметая двор.

Ты ушла в ветровую синь,
Но в проёме встаёшь, как вор, –
Сгинь, пожалуйста, мглою схлынь,
Луговая моя
хворь.

Я устал за тобой – вплавь
Сквозь холодную ряску звёзд,
Где белёсый Калинов мост
Протянулся из сна в явь.

Мне барахтаться у берегов,
Нахлебавшись дневных тревог...
Обомшелый буёк луны
Затерялся в волнах льняных.

...Не ношу из избы
сор.
Пыльный луч в пустоте окна
Чуть колышется, точно ткань.
А на ней – луговой узор.

А я встану чуть свет, погляжу за ворота –
Мчат каурые прочь круговертью осинной.
Вышьет иней рубашку из белых холстин
Белой нитью.

ЗЛОЕ СЛОВО

Помыслы-коромысла
Холодную воду несут –
Выплеснут слово
Злое, студёное.
Ветры гремучие
Рассеют по свету его
Грозами да болотной
Мглою.

ПЕСНЯ ОБОРОТНИХИ

На дороге под вечер со мной не стой.
И открытой душой на пути не свети.
Ты не жалобься мне,
В лад со мной не пой:
Мой скулёж и в ночи беспросветный вой –
Ложь.

Берегись, человек:
из-под елей-век
Поглядела, с утра голодна,
Луна.
Поступь мягкая облачных лап.
Не спасёшься от звёзд-когтей;
Я не буду добра к тебе,
Смехом ласковым – враний грай,

Зубы слов – в незажившие раны.
А покину, повыпив радость, –
Будешь тенью слепой ходить
По чужим городам
Один.

...Ты уходишь к востоку – в даль,
Где родные лежат города.
Остаюсь и смотрю, как на диво,
На осины, на месяц кривой
Да на тёмный огонь крапивы.

По лесам разольётся правдивый,
Безответно-глухой
Вой.

КРЕМЕНЬ

Из-под камня сверкнула ящерка –
Огневик.
Не удержишь меня горящую.
Не вини:
Мне отбрасывать хвост, как тень,
На бегу.
Но уйти от ветров-когтей
Не смогу.

ЕЛЕЦКИЕ СКАЗКИ

Анастасии Картавцевой

Что у нас на Воронеже слышно?

То ли сон, то ли звон –

Вёщей лебеди стон;

День смахнулся хвостом

рыжим,

Раскололся зарницей,

углями затлел

На ладонях полей-страниц.

Тень бежит по стерне –

Будто чья-то рука

пишет.

Неспокойно мне.

А вдали над Ельцом

Тучи – дымным кольцом,

Гулкий ветер гремит

костьми:

Ходят сосны коклюшками –

Тянется кружево

До ворот моих

напрямик.

По тенётам пойду,

Как по вешнему льду, –

Обжигает босые ступни.

Иглы-ветки стучат –

До чего же прочна

Нить!

На елецком дворе
У слиянья рек
Терема глядят
Из-под хмурых стрех.
Между ними – закатов
полымя.

Там ходила Настасьюшка
по двору́,
Собирала хвоинки
в ночном бору,
И они обращались
в молнии.

И стелились по-лисьему
Отсветы-листья,
И сухие крапивные петли
Пели...
Дымовым кружевам
Под рукой оживать.

...Гуси-лебеди мне навстречу –
От белёсых излучин Ельчика –
Ледяными крылами плещут:
Опрокинуло, замело...

.....

Даже время от снов не лечит.
Говорил – не пиши во зло.

ВОЛКУ

По замёрзшим лесам –
Снежный скрип колеса.
В серой шерсти тумана – репейники звёзд.
Не взойти, не шагнуть на разохшийся мост
Паутиной реки.

Ты, оскалась, глядишь в темноту.
В лунной проруби плещется мгла.
Снова бредни плету,
А ведь тоже могла
За флажки.

ЗАИГРАЙ-ОВРАЖКИ

Будет ветер, и будет снег –
Белым полозом, звонкою чешуёй.
Пегой облачной кобылицы не удержишь бег –
Вновь растопчет подковою горячо
Позолоченной; и вонзит
Всадник в сердце змеиное острый луч.
Разольётся холодная кровь по низинам,
Заиграет, сбегая с круч.
И, пробив, как скорлупку, опавший лист,
Зазмеится росток зарниц.

Свадебная

Снится мне: я степная трава.
Снится мне, что посохла без времени.
Подожгли – разгорелась,
 не зная, не веря:
Так прозрачен огонь на свету.

Гори-гори ясно...

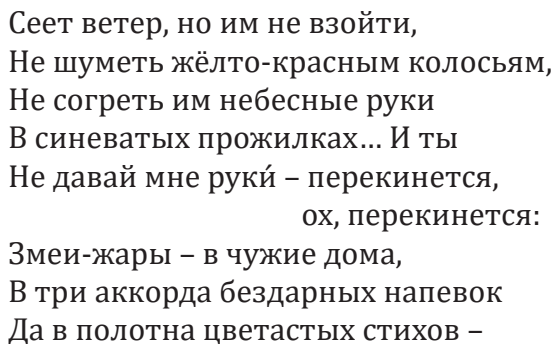
Снится мне: я покинутый дом.
Жили в доме два горя.
Очага не умели сложить –
Грелись тем, что терзали друг друга.
А когда обескровели оба,
Подпалили постылую горницу:

«Гори, гори, ясна...»

И ушли по дорожной россохе:
Взгляды долу, вина за плечами –
Алым, только что пролитым отблеском –

Гори ясно.

Снится мне: с подожжённой душой
Я стою на виду, на асфальте.
Искры-зёрна в натоптаный снег

Сгори ясно!

Огневицы-летавицы
Пляшут, кружат –
Сапоги из красного сафьяна
Мнут траву.
Золотом подкованы,
Серой нитью вышиты –
Полыхает наша степь
Горько!
Гребешок коралловый
Чешет чёрны волосы, –
Будто к свадьбе – в горнице
Плачи...
Кумачовые рубахи,
Вскрики-сполохи –
Хороводы летавиц
У меня в глазах,
Сердце – огненный клубок,
Песня – заревом:

Гори ясно!

.....

Остываю золой на снегу.

Тихо

Мне Большая Медведица лижет лицо.

Лунный свет на стволах, как смола.

Пахнет мирром лесной покой.

Облетает с души нагоревшее,

Лишь один огонёк внутри.

Обожжённой рукой вынимаю его –

Меж ладоней,

 небольшой,

Затеплился.

А за лесом, в полях, – огоньки деревень,

Чуть дрожащие, по-лампадному.

...По заснеженным выгарям-просекам

И простору

 простому, великому

На ладони свечу нести –

Сто дорог впереди –

Странице.

И мы встретимся там,

 у закатных ворот,

 на рассветном пороге.

Колокольная тишь

 разбивает слова

 «никогда» и «навсегда».

* * *

Холодна в это время вода.
Рыжий месяц безрогий
Окунает доверчиво морду
 в молочную даль.
Вот и старость пришла –
Белой странницей в мягких сапожках.
Жатва кончена в сроки.
Так садись говорить, полунощничать
За чаями душистыми, горькими...

НА ПОКОСАХ

Разметались покосы.

Бабуля в платке,
Словно выцветший синеголовник,
Вспоминает,

кивая прохожему ветру в лугах:
«Замирилась война – мы девчонками были.
Колоски собирали у поле.
Полесовшшык наедя – ох, страх...»

А я слушаю бабушкин говор, не слыша.
Вынимаю занозу-остинку из пальца.
Всё боюсь наступить: травы русо лежат,
Как твоя посечённая стрижка...

Самолёт вдалеке стелет холст –
Новина рассыпается ветошью.
Истончается боль.
Ты сказала – на будущий год не приедешь...
Замывается день.

За межой облаков, в тишине
Дозревают созвездий колосья.
Лишь ключи прозвенят у зари
На туманном серебряном поясе.

КАРТА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Ночью карта Воронежской области
Превращается в певчую птицу
И летит, расправляя крыла.
Где падёт её тень –
 прорастают былинки названий:
Зеленеет осоками Усть-Муравлянка,
Первым ливнем гремит Погромок,
Бьёт копытом Олень у студёных колодезей,
И шумят Липяги, и Сладёнка смеётся,
И белёсым лозинником плачется Горюшкин,
Лебединка плывёт по ковыльным озёрам,
И волной в камышах шелестит Шепелиновка,
Легкодымовка стелется пегим туманом,
И поёт Кочетовка, щебечет Синичкин,
Дерезовка грозитя рогатым прутом,
И лохматой лисицей мелькает Вихляевка,
Чабрецом по откосам взбегает Крутец,
Колет руки хвоинкой Лесное Уколово,
И янтарной смолой проступает Еланка,
И ветвится корягами Россоховатый,
Обнимает ветра на прощание Ростань,
Россыпное сверкает замёрзшей росой,
И Мокруша дождит,
 и звенит Листопадовка,
И бредёт Сапожок по размытым полям,
И рыжее осенней краюхой Окраюшкин,
Отражается льдистыми сколами Грань,
Полубянка белеет холстами у пролуби,
И блестят Острова, завивается Быстрик,
Кучеряевка ходит небесным гуртом,
Расцветает на пыльных межах Подорожное,

Ворошит Хворостань полустёртую вязь,
Ручейками морщинок лучится Дедовочка,
И зарёй разливается Красный Лиман...
Наступает
 рассвет.

Был я вхожим в чужие дома,
Фольклорист – или диалектолог;
Я, случалось, блуждал впотьмах
И откидывал ивовый полог –
Посмотреть, подросла ли луна.
Улыбалась она в полотняных волнах.
Уходил по туманной рани,
В придорожных былинках искал
небыль,

И любовями был ранен,
И лежал на полях рассечённым стеблем,
А в груди разливались смолюю
Причинённые мной
боли.

Воевал с отражением, берег рубя...
Показалось – изведаль пути.
Но однажды увидел тебя.
Онемев, я о странном прошу:
«Защити».

ПИСЬМО ИЗ ЧЕРНОЛЕСА

Он знал, что когда вернётся, в кармане будет пусто – так бывало всегда – и всё же он всегда брал с собой что-нибудь просто по привычке.

М. Петросян,
«Дом, в котором...»

За окном прорастает ночь,
Как заснеженный чёрный лес.
Перевернутый лунный чёлн.
Не истлеть

И на дно не залечь костями –
Я сломаю немую стынь
И осколок зажму в горсти.
Только жди,

Только слушай стеклянный звон
В перекатах метелей-волн,
Талый шёпот среди стеблей –
О тебе.

Ветер-дворник
пустой полустанок.

НОЧЬ В ИНТЕРНЕТЕ

Дай мне сил отличить
Доказательства от оправданий,
Сплин – от боли,
А совесть – от блажи.
Я себя убивал тридцать лет,
Но живой.
Стынет на небе павшем
Закат
ножевой.

Дай мне вспомнить,
Как спит над полями весна,
Разметавшись туманными косами;
Как ласкается речка в июле,
А чёрная курица-ночь,
Уходя, подбирает небесное просо...

Я живу в соцсетях.
Тлеет жизнь,
Разговорами оплетена.
А вчера, сквозь бессмысленный чад,
Написала
война.

Ходит-бродит привычно-своей
Между лжи, аватаров и котиков.
Что спросить у неё – подскажи,
Хоть бы...
В горле копится крик, как слюна...
Тишина.

Лунный посох коснулся окна:
Вечер слеп.
Наш кофейный мирок
Превращается в склеп.
По страницам в пыли – ветерок.

Дай – остаток тепла
Хоть в горсти
До утра донести –
Сил.

Кто-то скажет, что бред,
Кто-то выкрикнет: «Прав».
Полдень был умудрённо-сед;
Был закат, как всегда, кровав.
Говорили: дружище, приди да спой
Про весеннюю деву и звон степной,
Одиночек, крылатого над толпой –
Ой.
А я валялся оглохший, тупой,
Что мне песня, что в небо вой:
По изрезанным нервам и пьяным снам –
Красной ниткою –
Голос твой.

Говорили: давай, депрессивный, к нам, –
Обсуждая мужей и дам,
Позабудешь в чужом своё...
Над моей головой – вороньё.

Скажут: вышиби, дурень, клином.
Скажут: надо работать в дымину.
А ещё – ничего, мол, не зря...
Ходит ветер с похмелья мимо.
И бледна, с синяками, заря.

Снова сплю в ожиданье зимы.
Под запретом
на рифму
«мы».

НОВОСТРОЙКИ

Осень. Листья ещё молодятся.
Я живу там, где были сосновые рощи, –
В новостройках. И ночью мне чудится,
Что шуршит в коридоре опавшая хвоя.

Я устал, как трава. Муза курит на кухне.
Так хотел её в дом к себе –
тёплую, здешнюю...

Получил. Распишись.
Счастлив? Может быть, слюбишься...
А ведь было совсем по-другому.

.....

Помню, шёл за тобой перелесками,
Задевая подвесочки хмеля.
И звенела в ответ тишина.
А была ты – рассеянным светом,
Еле слышным берёзовым смехом
И теряла узорный рябиновый плат.
Расковалась цепочка времён:
Блики-звенья упали в ручьи
На волнистый песок.

И я шёл по вечерним полям,
По заросшим, кривым колеям
(Там гнездились перекати-поле).
Осень рядом кружила сторожкой лисицей,
И иссохший шалфей –
словно песенный вереск...

Ты стояла, как дым, над холмом.
На сиреновой кофте – репей;
Или, может, пристала звезда,
Капнув с края железного ковшика.
Напоила б меня – может, охолонулся...

Разливался медовый закат,
Гулко тукали яблоки в ветхие крыши.
По колено в тумане –
К рассвету, в овраг ли –
Мы шли.

По меже, вдоль шоссе – в города,
Мимо свалок, заправок и пьяных,
Я пронёс тебя, как контрабанду,
В неприступный, недавно отстроенный замок.
А вокруг – рёв машин, будто ров.

.....

Ты сидишь у окна.
Заплетается дым.
Подсыхает огрызок луны.
«Мусор вынеси».
Льётся вода у соседей.
Стали волосы тусклы,
а голос – седым.

Что я
сделал? Моя луговая,

Прости,
ведь – нечаянно...

Завари мне, пожалуйста, чаю.

ЗАМОРОЗОК

Ниткой чёрных стрижиных бус
Лето звонко оборвалось.
Сквозь опавший листок небес
Мелкий дождь прорастает из зёрен-звёзд.

Перевернутый мир разбит
Ломкой льдинкой под каблуком.
Ты уехала скорым в ночь
И не плакала ни о ком.

За вагоном луна по лесам,
Раздирая о ветки платок,
Всё бежала. А я стоял,
Обездвиженно-одинок,
Как коломенская верста.

Повторимся на новый лад
Колеями комет и рек,
Оставляя кленовый лист
На воде гореть.

ПОД ВЕЧЕР

Стал закат
ал,
День мой был
бел.
Хоть идей
нет –
Выше крыш
дел.
Снова ложь в вине,
На полях – зола.
Сколь нашлось во мне
Для тебя – зла?

Только не хотел
Из потёмок – в мрак,
Не узнав путём
Твоего тепла.
Но уж, видно, придётся так.

ЯБЛОНЕВЫЕ САДЫ

*Там летел павлин
Через улицу,
Он сронил перо
Серёд улицы,
А поднял перо
Добрый молодец.
Мне не жаль крыла,
Жалко пёрышка...*

Рекрутская песня

Ты опять
 вдоль садов,
Между вырубками, к новостройкам
Ускользнёшь
 звонким кружевом,
 талой водой,
Лепестковой позёмкой.
И уронишь лебяжье перо
В окоём.

Подберу
 на восходе перо.

...Налетают когтистые хмари.
Белым золотом яблочный гром
По листам оцинкованным катится.
Тень чужая над садом ползёт.

Как же мне
 гниль и гарь
 зарывать в глинозём,
Не тащить каждый паданец
На люди?

...Ветка срублена.
Тихо на ней
Прорастает строка
по весне.

ПЕСНЯ О ЛЕБЕДЯХ

Ни зима ни весна.

Пожилому редактору в оттепель
Я везу лебедей с ледяными крылами.
Беспокойные лебеди снежно шуршат,
Чешут клювы, шипят на меня из коробки,
Как позёмка, скребущая лапами наст.
В одноместном купе

индевеет багажная полка.

Проводница вздыхает:

«Недавно возили жар-птиц –
Чуть вагон не спалили...»

Прозрачное колкое пёрышко
Опускается на пол,
становится каплей:
линяют.

А редактор, послушав, сказал:

«Не бывает таких лебедей.
Будьте проще, теплее.
Смотрите попутчикам в лица.
Подмечайте сплетения рельсов,
копите багаж...»

Уезжаю. Колышется, лязгая, темень.

За окном в пелене пропадают
и снова кружат,

Оставляя на стёклах рубцы,
непослушные лебеди –

И поют.

Или вьюга звенит в проводах.

Но развеется морок.
Останется ранняя дымка
И песчинка-звезда
Между створками тучи-ракушки.

* * *

За багряной рекой
Пламенеющих дат –
Только тишь,
Только шорох страниц, как камыш.
Пишет ночь на обугленном свитке впотьмах,
Ставит веи сверхновых на Млечном Пути.

Много истин. Правдива, наверно, одна.
Переправа пока впереди, впереди.
И неспешно качается якорь-луна
Позабытой ладьи.

ОТБЛЕСКИ

Украшением станет óберег.
Перепишут скрижали заново
В парафразы, кроссворды, слоганы –
Пере-дряги.

Разбиваются волны ó берег.
Кто отыщет в осколках главное?
Щиплет солнце золоторогое
Дымку-ягель.

ЗАРЯ НАД ПОЛЕМ

Этнографический постапокалипсис

К вечеру от реки поднялся туман. Растянулся над лугами тонкой, долгой куделью. Алое солнце ушло за холмы, за старые стога и рощу. Улеглось где-то там, накрылось пепельными облаками, и казалось, что если сейчас побежать туда по росе, – увидишь, как оно лежит, круглое, мерцающее, посреди поляны.

От брошенного хутора напознала тьма. Свиристел у дороги сверчок.

Райка послушала – и не выдержала простой, торжественной тишины: вышла к лугу, глянула на туман и растрёпанную полынь – запела. Её голос, сильный, чуть грубоватый, будто сплетался со старой полынью, дрожал на верхах, как вода у берега речки, долетал до глухого неба и медленно скатывался обратно на луг.

*Летіла зозуля через мою хату,
Сіла на калині та й стала кувати.
Чого ж, зозуле, ой, чого ж ти куєш?
Хіба ти, зозуле, добро в мене чуєш?**

Из палатки высунул голову Серый. Чтоб тебя... Так тихо было, хорошо после жаркого дня – нет. Стоит человек посреди полей и орёт. А чего не орать, если силы есть: на вёслах сегодня, считай, был один Серый. И, как назло, мазь закончилась – нечем лечить растёртые до красных шишек ладони. А Райка знай наяривает, уже другую.

*Зимував я зиму,
Зимував я другу,
Зимував я в лузі на калині...**

Про зиму – это она верно. Август закончится, вода в ключевой речке и так не тёплая... а там и дожди. Неуютно будет сплавляться. Надо где-то осесть, найти одежду на зиму...

– Райка, – позвал Серый. Она не слышала: вывела голосом какую-то завитушку. – Райка-а!!

Обернулась.

– А?

– Хорош тоску наводить.

– Ой, да иди...

– Я б пошёл. Некуда.

– Что случилось-то? Стёпушка опять беспокоится?

– Спит твой Стёпушка. Хватит, говорю, вопить.

Райка отмахнулась и побрела к речке. Встала у лодки, высунувшейся на берег, как диковинное ше-роховатое существо.

*Ты заря моя, зорюшка,
Ранняя заря утренняя...
Молодая княгиня Мария
Обошла горы зарёю,
Вдарила врата тучею –
Пролил силён дождь по двору.
Сама поплыла лебедью,
Лебёдушкой белою...**

А это – мелкими и ровными волнами-перекатами.

– Твою дивизию, – пробормотал Серый, выбираясь из палатки. Костёр погас, а спичек осталось немного. Серый отодвинул полешки, разгрёб палкой верхние угли, добираясь до алой сердцевины. Вот она – переливается, словно пульсируя. Он подбросил веток и принялся раздувать огонь.

От запаха древесного дыма сразу захотелось пожевать чего-нибудь, а лучше с чаем. В закопчённом чайнике ещё оставался отвар, который Райка

делала: чабрец вперемешку с другой полевой растевухой. Это, пожалуй, единственное, что Райка хорошо умеет, – заваривать чаи, душистые, горьковато-неповторимые.

Вот угораздило встретиться. Институтское дитя, в деревне не жила, а туда же...

Райка пошла вдоль реки, напевая уже тихо, переместив звук на связки, отчего он стал мягким и сиплым. Потом умолкла совсем.

Стемнело. Туман над водой стал паутинными мостками. Река негромко лепетала у коряг, и было не различить: водоросли там колышутся или выбрался на охоту скользкий ночной житель.

Вот так, бывало, раньше выезжали с ребятами. Так же тянулись туманы, журчала чёрная вода, пахло костром и холодным ночным небом. Но тогда вдали были огни деревень. Там перебрёхивались сонные собаки, кто-то слушал громкое «тыц-тыц» или заводил дребезжащий двигатель. Проезжали по дальней трассе машины... А сейчас была тишина. И пустые поля.

В темноте подкрадывалось беспокойство. Казалось, что не от течения движется осока у берегов. И не туман смутно белеет вон там, среди серых лозин.

Райка смотрела на реку, и тишина начинала давить – навязчиво, неразборчиво нащёптывать тревожное. Как будто говорило само прошлое, голоса всех, кто ушёл так быстро и странно.

Эхо мира и войны, чьих-то невыполненных обещаний и непрожитых судеб. Высокий, дрожащий звон. Почему-то подумалось, что звенит оборвавшаяся цепочка истории. Ещё немного – и расслышишь в тишине слова, полубезумные, печальные, потерявшие смысл.

Пора было возвращаться, но удерживало почти любопытство – доуслышать, увидеть то, на что закрываешь глаза.

И Райка увидела. Заметила краем глаза движение. Беззвучно ахнула, прикрыв рот ладонью.

По противоположному берегу шла горбатая тень. Шла неслышно. Она напоминала человеческую, только была намного выше, ссутуленная и – почудилось Райке – с длинными, свисающими как плети руками. Тень медленно проплыла среди зарослей, не повернув головы, и скрылась за ними.

Райка проморгалась. Сердце колотилось часто-часто; казалось, его слышно на том берегу. Мысли кружились, как мошки возле фонарика. Райка боялась двинуться, пошуршать травой.

Наконец свистопляска в груди поутихла. Ну же, посмотри внимательно. Там просвет между ивами. Их ветки еле заметно колышутся: ветер. А в просвете – край горбатого облака. С перепугу сложишь чёрт знает чего. Да и не разглядишь отсюда в темноте ничьих рук...

«Если в дверь стучатся брюки...» – Райка тихонько хмыкнула. Не хотелось поворачиваться спиной к тому, что скрыл другой берег, но не стоять же здесь в одиночестве.

Серый поддел палочкой картофелину и аккуратно перекатил на другой бок, подальше от огня. Услышав шаги, поднял голову.

– Напелась?

– Там... ходит там кто-то, – Райка присела у кюстра, зябко поёжилась.

– На. Эта испеклась вроде.

– Говорю, видела кого-то. На том берегу. Тихо-тихо шёл, высокий, кривой...

– Ага, в простыне и гремел цепями. Хватит накручивать. Одни мы тут. Сегодня одни, вчера. И состаримся в одиночестве, и помрём тоже.

Серый поворошил угли и добавил:

– Не станет никто по кустам ховаться, делить теперь нечего. Прибегут, как ты, с распростёртыми.

– Как будто сам не бежал...

От костра отлетела одинокая искра.

– А может, за сто километров полно людей. Просто сюда не идут: боятся.

– Чего им бояться?

– Последствий. Сам же говорил...

– А ты веришь?

Слишком явно разливалась по лугам безлюдная тишина. Были бы там, за горизонтами, люди – не молчали бы радиостанции. Хоть однажды бы в чистом небе пролетел самолет.

– Что с ними стало?

– Опять двадцать пять, – Серый укусил картофе-лину.

– Ты сказал про какое-то оружие. Но ведь наугад сказал? Просто чтобы себе объяснить.

– Может быть.

С Серым всегда так: то ли шутит невесело, то ли врёт и сам верит; а может, выдает обрывочную, злую правду. Говорит, воевал. А где, с кем... совсем ведь мальчишка, не старше Райки.

– Мне ж не докладывают. Видел то же, что ты. Накатило, задрожало... Домá остались, вещи их... машины все встали разом... И солнце светило. Ветром пакет какой-то гнало. А я стоял и ждал, когда исчезну сам. Долго стоял. Наверно, они и не почувствовали ничего.

– А мне кажется, их забрали, – Райка всё водила руками над угольем: не могла согреться. – В горо-

дах ни собак, ни крыс. Тараканов – и тех нет. А здесь вот сверчки, ящерицы, рыба в реке...

– Ага. И комары.

Райка обхватила руками колени, положив на них подбородок. В глазах отражался огонь.

Серый как-то рассказывал, что во время болевого шока самой боли не чувствуешь. Может, врал.

...Она тогда впервые разбила стекло. Нашла обломок кирпича и разбила. Витрина расплескалась, по ней побежали трещины, но осыпаться полностью стекло не хотело. Пришлось идти во дворы, брать штырёк от метлы и добивать, откалывать острые края. А машины на улице по-прежнему глупо скалились, и на асфальте качались тонкие одуванчиковые стебли.

– Это кто-то хотел нас троих изучить...

Серый дремал. Не нравились ему такие разговоры, старые, как в книжках. Не повзрывалось ничего – и ладно.

Брезент у входа в палатку зашуршал. Вылез, жмурясь от костра, взъерошенный Стёпушка.

– Иди сюда, хороший. Выспался? – заулыбалась Райка.

– Кы-ы...

– Картошечка, да. Садись.

Серый, очнувшись, тихонько сплюнул. Сколько проблем с этим кренделем – а она ещё и сюсюкает... Хотя, может, так прикрывает свою боязнь.

Стёпушка подбрёл к костру и уселся прямо на землю. Высокий, весь какой-то удлинённый и нескладный. Трудно сказать, сколько ему лет: щетина не растёт, а волосы на голове редкие, будто уже начал лысеть. Он взял обеими руками чищеную картошку и стал запихивать в рот.

Стёпушку они встретили возле реки. Колобродил в кустах так, что за версту было слышно, и болтал про какую-то «забиваку». Наверное, искал колышек, чтобы строить шалаш. Серый его поначалу и прозвал Забивакой, но Райка переделала в Стёпку.

Встретив его, оба почему-то почувствовали: круг замкнулся. Звенья собраны, некого больше искать.

Первые ночи, ещё до Стёпушки, они дежурили. Потом устали и отказались. Водить машину никто не умел, а пешком тащить на себе весь скарб не хотелось. Тогда Серый и вспомнил о старом причале.

О прошлом они говорили мало. У каждого оно было своё и не имело отношения ни к изгибам реки, ни к стрёкоту кузнечиков, ни к шелесту ветра в колосьях. Была странная неслышанная правда в этих колосьях, в том, как скатывались капли дождя с листьев мать-и-мачехи.

Райка лежала, накрывшись спальником, и глядела в сетчатое оконце палатки. Там покачивалась ветка в ночном небе. Тишина снаружи опять навевала тревогу. Невольно подумалось: а далеко ли отсюда мост или брод?..

Слева дышал Серый. Тоже не спал: было слышно, как смежаются и размежаются веки. Поодаль, за рюкзаками, прихрапывал Стёпушка.

– А ты правда на войне был?

– Был.

– И людей убивал?

– Да.

– Наших? Или вот его?.. – Райка взглянула в темноте на Стёпушку.

– Всяких. Своих.

– И много?

– Руки в крови по локоть.

– Да врѣшь ведь. Дома в стрелялки рубился.

– Вру. Спи уже, хватит мозг выносить.

Она лежала неподвижно, согревшаяся и на что-то сердитая. Странная у них семья. Не то братья с сестрой, не то давно разругавшаяся пара.

Серый подумал и, протянув руку, молча подгрѣб к себе Райку. Уткнулся лицом куда-то за ухо.

– Одурел, что ли? Тут же Стё...

– Стёпа дрыхнет, как Т-34.

– Отвянь, сказала, – Райка выпросталась из-под руки, отпихнула его и уползла к рюкзакам. – Ещё родить в чистом поле не хватало.

– А мы можем...

– Вот нашло... Завтра вставать рано. Были вы извращенцами и остались, – она повозилась в темноте и затихла. Задышала ровно: уснула.

Серый вслушивался в ночь.

Журчит вода у гнилых коряг. Видно, старая бобровая плотина.

Вдруг он насторожился. Мирный, привычный когда-то звук – далеко-далеко залаяла, подвывая, собака.

Может, прошлой ночью он и вылез бы из палатки, посвистел... Но сейчас лишь порылся в углу, где стояла посуда, нашарил нож и положил рядом с собой.

Лай больше не повторялся.

Постепенно Серый стал забываться: тело теряло чувствительность, растворяясь в темноте; ночные шорохи переплетались; россыпь золотых звёзд перед глазами превращалась в силуэты людей. И кто-то из них беззвучно кричал, раскрывая рот, на земле – наверное, раненый. Было в этом молчаливом крике что-то нечеловеческое и тоскливое, как в волчьем вое...

Крик разбудил его. Серый сел, хлопая в темноте глазами, спросонья толкнулся лбом в брезент.

Орал Стёпка. Без слов, горько, с подскуливанием.

– Стёпушка-а... – всхлипнула Райка. – Успокойся...

– А ну прекратить концерт! Сейчас обоих к речке спать отправлю, – Серый нашёл наконец фонарик, включил. Стёпушка повернулся на свет захлюпаным лицом, зажмурился. Орать перестал, только подрагивал.

– Кошмар приснился, что ли? Услышал что-нибудь?

– Не зна-а...

– Может, у тебя болит что? – засуетилась Райка, разворачивая его к себе. – Ты скажи, не стесняйся...

– Ещё поцелуйтесь, – процедил Серый, укладываясь обратно. – У него каждый раз: если ночью проснётся – орёт. Моцион. Дети – они такие.

– Циник. Совести в тебе нет.

Серый покивал и закрыл глаза. Стёпушка опять угнездился в своём углу, носом во влажную стену. Райка погасила фонарь. Недолгое время молчали.

– Ты спишь, Серый?

– Да.

– Расскажи что-нибудь.

Он усмехнулся.

– Ну слушай.

*Я не уверен, что это внезапная смерть,
Я не уверен, что пуля навывлет прошла,
Но я рождаюсь опять в прогоревшей весне,
Я вырастаю и снова хватаюсь за флаг...*

Райка слушала, почти касаясь головой его плеча. За стенами палатки начинался короткий ночной дождь.

*И я не помню, в кого в прошлой жизни
стрелял,
Я только знаю, что в этой они против нас.
Тянулись ветки к горячим живым снегирям,
Клонилося небо, в котором закат не погас...*

Шёпот Серого был твёрдым, скорым и чётким.

*И я, спустя столько метких привычных
смертей,
Своих-чужих бесславно взорванных битв,
Стрелял, стрелял с остервенением в тех,
Кто убегал, кто отступленье трубил...*

Сквозило торжественное, заговорщическое во-
одушевление в его шёпоте.

*Здесь не бывает прошедших войну до конца,
Здесь те, кто всегда рождены воевать.
Я не прощаю их всех, не поднимаю лица
И снова чувствую, как тело оплетает
трава.*

*И, выходя на новый непрожитый круг...***

– Хватит, – тихо сказала Райка.
– Чего, не понравилось?
– Никаких «их» не было, только мы и наша по-
гань. Она всё уничтожила. Сами с собой и воюем.
– Вот как...
Райка вдруг поняла, кого видела на том берегу.
Собственный страх она видела.
– Давай спать.
Двое лежали рядом. Тихо накрапывал дождь, а
утро было, наоборот, ясным.

Они возвращались вдвоём по лугам с привычной утренней разведки, неся полупустую сумку. Стреко-тали под солнцем кузнечики. Спина у кузнечика в августе чешется, что ли, – он трёт быстро-быстро лапками по крыльям и стрекочет. Пахло шалфеем и растёртой между пальцев полынью.

– Иди глянь, – Серый указал на заросший травой бугорок.

– Ну, гусеница от трактора. И что?

– Не от трактора, а от танка. Звенья видишь какие.

– Ржавые.

А кузнечики заливались.

На бугорке сквозь металлические сочленения прорастали низенькие стебли, похожие на укроп. Они обычно цветут желтоватыми пуговками.

– Ерунду говоришь какую-то. Не наигрался.

Райка смотрела, как тянутся за горизонт куче-вые облака. Донца у них были плоские, и казалось, что облака ползут по невидимому стеклу.

Серый шарился в траве у бугорка. Вот неймётся ему... Всё, что нужно, на заброшенном хуторе уже взяли. Пора в путь, пока солнце невысоко.

– Оп-паньки. Что нашёл...

– Двигатель от подводной лодки?

Серый, усмехаясь, поднял руку. Ярko блеснуло отсветом лезвие. Прищурился.

– Ну нож. Своих мало, что ли?

У них было два хороших ножа – резать рыбу и очинять колышки.

– Это не просто нож. Боевой. Такие на дороге не валяются.

– Дай, – Райка взялась за рукоять, повертела, подержала на ладони. Солнце сверкнуло на чуть

загнутом кончике светлой капель. – А по-моему, туристы потеряли. Только странно, что новый.

– Да-а... тяжело с бабами.

– Выкинь ты его. Ещё таскать с собой.

Солнце грело отрешённо и ласково, заливая теплом луга, и по-прежнему пахло травами. Но здесь не было спокойно. Ночные видения, теперь этот нож... «Сейчас вернёмся, палатку сматываем и поплывём».

Серый, однако, не торопился. Сидел со своей находкой как заворожённый. Вроде Стёпушки, когда тот найдёт какую-нибудь бутылку, лупит ей по воде, радуется и показывает: «Гля, гля...»

– Вот прямой хват, – чистое лезвие смотрит вверх, рука сжата, аж костяшки побелели. – А это обратный...

От того, как умиленно Серый игрался с ножом, стало не по себе.

– Пошли, бесноватый. На обычных покажешь.

– А бить знаешь как?

– Кого?

– Врага.

– Тебя, что ли? Когда шарики за ролики заедут?

– Да хоть бы и меня, – Серый глянул вдаль, вздрогнул и уже не улыбался. Воткнул нож в землю. – Пойдём. Ну его.

Двое шли мимо ольховой рощи, задевая сухие лохмы конского щавеля. Он тихонько звенел.

– Стёпушка сегодня шепотной какой-то. Может, надо было его с собой взять?

– У тебя другие мысли есть вообще? Не случится с этой колодой ничего. Главное, чтобы на палатку не мочился, как тогда.

Райке захотелось ударить Серого. Не от обиды за Стёпку и даже не оттого, что не слушал её никогда.

«Не вопи, не хнычь, не умничай, ага, как же...» Просто в размеренных движениях Серого, в его усмешке всегда было странное, зловещее торжество. Может, те обрывочные бредни, которые он рассказывал, – правда? Может, скучает по тем временам, когда у него была цель? Интересно, а пощадил бы Райку?... Колко и холодно от его взгляда.

Шрам у него на груди – небольшой, похожий на крестик. Вначале говорил – стреляный; потом забыл и обмолвился, что в ножевой драке... Райка в шрамах не разбиралась, да и ловить на слове не хотела.

А может, цели своей он добился? Ему привольно и хорошо. Все луга и зори, рыба в реке, все дома и вещи – его. И двое, которые следуют за ним безоговорочно. Бухтят, жалуются, но замолкают, когда он прикрикнет.

Солнечный свет в глазах Райки тускнел. Поднималась глухая, затаённая ярость.

Да кто он такой? Почему рядом с ним страшно? Иногда так, что не хочется рассматривать в костровых отсветах его лицо.

Лёгким ветерком пробежало по траве: «Враг...» Повеяло в лицо с горизонта: «Враг...» Разлилось в луговом звоне, отдаётся в ушах, в мозгу – почему раньше-то не увиделось? – «враг».

Война не окончена, пока под твоим кровом тот, кто виновен. Виновен в том, что их нет – даже тех, кто хранил вековые песни. А он жив и идёт, стаптывая шалфей.

Всё это высветилось внезапно, точно отблеск на лезвии.

– Рай, ты куда?

– Куда надо, – огрызнулась она, направляясь к кустам.

– Со страху, что ли? – хохотнул вслед Серый. Чувствует.

Райка влезла в заросли и недолгое время смотрела, как он не спеша удаляется к берегу. Потом продралась через ветки в обратную сторону, оглянувшись ещё раз и бросилась к бугорку. Подбежала, запыхавшись, путаясь в травах.

Нож словно ждал её. Покорно и удобно лёг в руку, увесистый, новый. Куда б его спрятать... ещё напорешься... Примотала бечёвкой к поясу наискось, вроде шпаги, обвязалась поверх курткой – как будто ей жарко. Неуклюже, но незаметно.

И скорым шагом отправилась в лагерь. Солнце ползло к зениту.

– Чтоб тебя!.. – услышала Райка, подходя к берегу. – Макака бесхвостая! – и жалобное мычание Стёпушки. Из прибрежных кустов показался Серый, вытряхивая на ходу спальник.

Оказалось – устав их ждать, Стёпка решил порыбачить. Это дело он знал хорошо. Вот только земля у реки после дождя была сырая. Стёпушка, недолго думая, вытащил из палатки спальник Серого и подостлал под себя, белой изнанкой на топкую землю. А Серый любил чистоту и размеренность.

– Руки пообрывать, – он досадливо отпихнул крутившегося тут же Стёпушку.

– Не смей, – глухо сказала Райка.

– Что?

– Не смей. Говорить. И трогать его не смей.

Она стояла спиной к солнцу – растрёпанная и строгая. Штаны заправлены в ботинки, подпоясана курткой... смешная девка.

– Так, давай коврики скатывай и в лодку носи. Очертенеешь с вами.

– Сам отнесёшь.

– Не понял, – Серый поднялся с корточек. – Бунт на корабле?

– Ударить решил? – голос Райки был ледяным. Серый и вправду хотел если не отлупить их обоих, то объяснить жёстко и доходчиво, что хватит дурить. Но осёкся.

В правой руке Райки холодно блеснуло.

– А-а, – понимающе кивнул Серый. – Брось, говорит, от греха подальше... Вот оно, значит, эхо войны. А чего не в спину? – Он выжидающе перемаялся с ноги на ногу.

– Стой, не двигайся!

– Что, боишься – не попадёшь? В живот можно. Для сердца, конечно, сноровка нужна...

Райка скользнула глазами в сторону: где Стёпа. Ходит возле палатки, ловит что-то в траве.

– А не боишься, – Серый снова ухмыльнулся, щурясь от солнца, – что я потом тебя вместе с Забивакой твоим?... И будут два призрака у реки шататься. А?

– Тварь, – выдохнула Райка и кинулась. Ударила с размаху, сверху вниз. Серый перехватил ее руку и мёртво сжал, выворачивая. Райка дёрнулась раз, другой, стукнула его по плечу и разомкнула пальцы.

– Наигралась? – Серый отступил на шаг. Уже не ухмылялся. Рука чуть согнута в локте, нож на уровне бедра, остриём вверх. Как там – прямой хват?... И шагнул к Райке. Она даже не отступила.

Взгляд у него был... наверно, такие глаза у пискливых и наглых из подворотен, которые за кошелёк горло перегрызут. Даже нет – виделось в этом взгляде, как за рекой горят хаты.

И вдруг Серый согнулся, поник всем телом. В глазах промелькнуло странное и погасло – ушло, вытекло через пальцы, отползло от него, схлынуло.

Рука опустилась совсем, пальцы беспорядочно теребили рукоятку.

Накатил не страх, не отчаяние, не злость, а как будто ведро воды на голову вылили: что ж это с нами творится?..

Серый отвернулся, поглядел на реку. Там золотилась мелкими лодочками зыбь.

– На, – хрипло выдавил он, протягивая нож. – Возьми и выкинь. Только чтобы я видел.

Райка осторожно, как хрупкую, непонятную вещь, приняла, посмотрела на Серого, на его вдруг осунувшееся лицо. А потом зашвырнула нож в реку. Он плюхнулся где-то в камышах.

– Мазила, – фыркнул без улыбки Серый и пошёл сворачивать палатку. Постояв немного, Райка потянулась за ним.

Собирались молча.

* * *

– Стёпка! Стё-о-опка-а! Иди сюда, дуралей, вылезай!..

Его нигде не было. Десять минут назад тут крутился, а как отплывать – будто канул.

– Может, поиграть решил?

– Ага. После такого махача я б тоже в прятки играл.

– Стёпушка! Эй! Не бойся, мы баловались!

– Пошли по кустам. Небось опять рыбу ловит.

Разделяться не стали. На рыбацких местах, всё ещё натоптанных, с покосившимися мостками, Стёпушки не было тоже.

– Не утонул же он. Хоть и дурак, но в одежде не купается. А если б случайно бултыхнулся – тут везде у берега по колено...

Солнце трепетало на листьях. Вода говорила часто-часто о своём, житейском и светлом, и не верилось, что здесь, сейчас ещё может остаться зло.

Наваливалась усталость. Не хотелось куда-то грести.

– Да здесь он где-нибудь. Может, до ветру человек отошёл. И заснул под кустиком. Подождём – вернётся.

У осоки сидели стрекозы. Синие, со звенящими тонкими крыльями. Раньше стрекоз вроде не было... Вдруг подумалось: а может, всё возвращается? Просто люди, их заботы, любви и горести отошли на миг, чтобы земля отдохнула. А потом жизнь потечёт привычными перекатами.

Серый, чтобы не задремать, тронул веткой кромку воды. Вода задрожала, пошла кругами, спугнув одну стрекозу.

– Райка.

– Что там?

Она тихо подошла сзади, присела на корточки. И почему-то обняла его, уткнувшись в куртку.

– Задабриваешь? Да не трясись, резать не буду. Толку от вас никакого; хотел бы – давно бы всех порешил.

Райка сердито отпрянула.

– Сумасшедший дом, – вздохнул Серый, обнимая её, зарываясь лицом в растрёпанные, когда-то коротко стриженные волосы, царапая щекой щеку.

Ветер стряхнул с лозин то ли невысохший дождь, то ли сок, которым они вечно плачут.

– Вон ты где, – обрадовалась Райка, завидев знакомую нескладную спину на песчаной косе, по ту сторону камышей. Далеко забрался.

Стёпушка коротко обернулся, скривил губы в улыбку и вновь наклонился к чему-то, что он там строил в песке.

Райка разулась и побрела к нему по отмели. А Стёпушка сидел себе с отрешённой улыбкой, расставив ноги. Наверняка слышал, что его звали на всю речку, но жаль было отрываться.

– Ты обиделся, да? Серый – он не хотел, – говорила Райка, подходя ближе и заглядывая: что у него там всё-таки за постройки. – Он хороший. Просто мы все иногда... Стёпа, ты... Что ты сделал?!

Она закричала. Разом вернулся весь страх, скрытый и явный.

На песке перед Стёпушкой лежала ящерица. Обычная, большая, с двумя серыми полосками на спине. И без хвоста: видно, отбросила, пока ловил. Ящерица была мёртвая. Точнее, убитая – аккуратно зарезанная ножом. А в руке у Стёпки...

– Так, – Серый в три прыжка очутился возле них. – Что опять за?.. Ё-моё...

Он совершенно спокойно ухватил Стёпку за грудки, рывком поднял. Нож выпал из Стёпушкиных рук и вонзился в песок.

– Нашёл, значит? В камышах? – Серый ростом был ниже Стёпки, и Стёпка болтался сейчас на полусогнутых. Мыкнул в ответ что-то совсем непонятное.

– Значит, так. Если ещё раз. Вот этой штукой, – Серый ткнул мокрым ботинком нож, – порежешь кого-нибудь... ящерицу или другого кого... Я тебя... – он сжал губы, уставясь в прозрачно-васильковые глаза, прямо в душу, в мозг. – Больше не встанешь тогда, понял? Здесь будешь лежать. Ни Райки тебе, ни костра, ни харчей – вот тут в камышах положу. Понял?

– По... понял.

Серый отпустил его, и Стёпушка рухнул, как плотняный мешок с костями.

– Убивать можно только рыбу. Усёк?

Стёпушка обречённо кивнул. И искоса взглянул на Райку. Она отвернулась.

Серый, решив, что воспитательный момент окончен, сел на корягу, вытряхнул из ботинок песок. Потом подобрал нож и, прицелившись, забросил к плотине, на глубину. Лезвие вошло в воду почти без брызг, сверкнув, как рыбёшка.

– Если опять всплывёт – скажете. Будем библиотеку искать. Книжку с заклинаниями от нечистой силы, – Серый невесело усмехнулся.

Всё-таки с ним спокойней, невольно подумалось Райке.

А он отметил про себя, что ножи и шилья теперь надо прятать. Сколько же им ещё... Тот враг, которого не увидишь в прицел, шагов которого не услышишь...

Серый посмотрел сквозь своё отражение. Но на мелкоте был виден только контур; в нём песчаное дно, створка ракушки и малёк. Враг на время затаился.

Всю дорогу к лодке, а на лодке – до заросшей кувшинками излучины, а от излучины – до меловых расписных берегов Стёпушка молчал. По болезненно-открытому лицу было видно: о чём-то думал.

День, вопреки ожиданиям, выдался нежарким. Шли и шли добрые, вальяжные, пухлощёкие облака, хоть и равнодушные, как обычно. Но в их пути было что-то более глубокое и осмысленное, чем бесконечная круговерть вод.

– Райка, поиграй, а.

Над рекой снова тянулись туманные тропы. Догорал костёр, остывало в лесах солнце, покрываясь ночной золой.

Стёпушка выплакался и затих: наверно, додумал свою путаную, невысказанную думу.

А Серый размышлял о собаке. Которую зря не позвал. Может, одичала, конечно, – шарахнулась бы и отправилась дальше ловить полёвок. А может, признала бы родственную бродячую душу.

Райка пела. Голос и вправду играл, аукаясь в рощах, гукая, как зозуля весной, звенел в луговых колосьях.

*Травка подкошёна,
Да и только ёна сподвалёна –
В поле травка сохня,
Сохня, сподсыхая,
Да всё пылью пошибая –
Без поры, безо времени...**

Высыпали звёзды. Тихо сохли травы, падали семена. Каждому верилось, что когда-нибудь всё войдёт в своё русло. Только русло это у каждого...

Далеко-далеко на востоке рождалась заря.

2015–2022

* Народные песни – украинские и южнорусские.

** Автор стихотворения – Анастасия Картавцева. Оно написано для этого рассказа и оканчивается так:

*И, выходя на новый непрожитый круг,
Я понимаю, что бой подозрительно тих,
Я понимаю, что врут, я понимаю, что вру...
Я понимаю, что жду
От своих...*

ЧТО ПОПАЛО

За межой – война,
Над Хопром – зима,
Белая кума.
Нет у поля дна.

Год замкнулся в круг –
Только, видно, зря:
По тебе, мой друг,
Всё горит заря.

Знать, душой спились –
Обвалилась высь.
Сидор да Борис
Об одной дрались.

Путал бедный бес
Родину и квас.
А отрез небес
Не согреет нас.

Берегла трава
Голос мёртвых сёл,
Что меня повёл
Собирать слова.

Всякий ночью сер.
Днём привычна новь.
Не бывало вер,
А была любовь.

О КОЗЕ ОТПУЩЕНИЯ

Положи мне на спину
усталую руку под вечер.
И останется алый
негаснувший след.

Это отсветы флагов и угли пожарищ,
Это маки платков на воскресном снегу...

Через стылое поле,
клеймённая жаром ладоней,
Боль твою пронесу
меж моих желтоватых рогов.

Ледяным молоком
тихо полнится вешнее небо,
И приникнул к сосцам его – звёздам –
волчонок-туман.

СТРАФИЛЬ

*Страхиль-птица живёт на синем море,
Держит белый свет под правым крылом.*

«Голубиная книга»

Посмотри на девочку с синей чёлкой.
Вот она: сидит на скамейке-острове
посреди городского шума.
А в руках, конечно, планшет.
Девочка собирает в горсть
разноцветные камешки-новости,
перекачивает под пальцами.

Волны мерно бьются в скамейку. Солнце
отражается в фарах машин, в окнах домов
и в очках – тёмных и розовых –
у случайных прохожих;
в мутной глади планшета – рябью.

Девочка кладёт его рядом, выпрямляется –
и встаёт на скамейку.
Тонкие руки раскидываются широко, крестом.
За её спиной –
только небо и облако.

Белопенное облако наползает на солнце,
заслоняет его крылами –
и на город несётся тень. Гасит блики.
Фары, окна, отблески в стёклах очков.

Летит.

Эту девочку называют Страфиль.

Птица Страфиль, что всем птицам мать,
что живёт среди синего моря,
держит солнце под правым крылом.
Ворохнётся – и свету конец.

Посмотри, как сметает волной корабли.
Не пугайся, они не потонут –
поплывут вслед за облаком стаями:
розоватые, сизые, рыжие –
россыпь странствующих голубей.

Посмотри, как подбитые танки
превращаются в толстых жуков-долгоносиков –
и ползут по ухабам ствола:
деловитые, важные.

Посмотри, как пузырчатый огненный гриб
прорастает в лесу подосиновиком.
Чуть обсохнет земля –
и пойдём на опушку с корзинками.

А Страфиль снова сядет на белую отмель,
обнимая пуховыми крыльями солнце.

Туча-щука его не проглотит.
И бегущая мышка-звезда не заденет хвостом.
Не расколет гроза.
Будет – так.

Отчего же ты плачешь, Страфиль? Отчего?..

СОН ЕВЫ

Снится Еве сухая смоковница
И пузырчатый гриб-трутовик,
Прорастающий тёмной ржавью
В синеве мирового древа.
Снится Еве полёт жар-птиц,
Что кружатся, роняя перья
На уснувший древлянский город...

И ей видится след сапога
На рисунках распятой юродивой,
И ей слышится звон топоров
Или бледных копыт о каменья...

И она разжимает ладонь.

Просыпается; молча лежит неодетой
Меж шершавых, как ветхая кожа, корней.
...Солнце-семечко всходит.

Нетронутым яблоком,
Еле спелый, катится день.

В ОЖИДАНИИ РАДУГИ

Он приходит с работы пораньше,
Долго возится в стареньком гараже.
А жене его отчего-то душно, и мысли
Всё звенят, как стрекозы, –
Наверное, перед грозой.

Он так любит работать по тёплому дереву,
Его руки в заусеницах и царапинах, будто кора.
Но за городом собираются тучи – и мчатся
Чёрным валом, закручиваясь на верхах.

Он сажает за пазуху кошку,
Заворачивает в драный пиджак кота
И зовёт жену посмотреть в гараж.

Солнце схлынуло. Солнце слизнулось волной,
Словно детская формочка с пляжа.
По асфальту бежит холодок,
Семенит, как спасающиеся мыши.
Дождь – шипящими стрелами,
Возвратившимся ядом;
Дождь уже на пути к земле.

В темноте гаража пахнет стружкой,
строительным потом и яблоком.
Там, где сломанная коляска и банки с соленьями,
Возвышается гороогромный, смолистый
Деревянный корабль.

Муж выкатывает корабль во двор, отворяет
И просит жену:

«Входи».

На лицо тихо падают первые капли.

.....

Она смотрит в стекло окна.

Там рябая гладь и осенний ветер.

Вспоминает заржавленные качели –

В ворох листьев летала с портфелем;

Вспоминает астры и голубей –

Их кормила сварливая дворничиха;

Львиный зев,

разевавший птенцовые жёлтые пасти;

И резные домишки, и карие взгляды

Подходивших у рынка дворняг;

А ещё – тишину корабельного бора,

Медный гул предзакатных полей...

Дождь почти перестал.

Сквозь завесу пробились лучи

И стоят вдалеке на воде

Позабытой верстой или дивой.

Может быть, соляным столбом.

Ночью ударил колокол,
Хотя в городе не было звонаря,
А колокольня стояла разрушенной:
В ней звенели лишь ласточки по весне.

Ночью ударил колокол:
В темноте шло безликое, страшное –
Надвигалось стеной –
С востока ли, с запада, –
С того берега узкой реки.
А город был маленьким,
Похожим на глиняную игрушку.

Кто был первым из всех – не знаю;
Но когда я спустилась к берегу,
Там стояли все горожане –
Молчаливые, взявшись за руки,
Превратившись в живую цепь.
И спокойно смотрели в ночь.

Я узнала свою соседку –
Нелюдимую девушку в фенечках,
У которой с десятков котов –
Чёрных, пепельных, снежных и рыжих,
Как рассыпанная фасоль.

Я узнала бомжа и бомжиху –
Как-то раз они целовались у станции,
И бомжиха тогда смеялась
И кололась лицом о немытую бороду.

Я узнала чиновника –
Он отстраивал колокольню,
А потом помешался, бедняга,
Всё бродил и кричал:
«Миром правит чудовище,
Жрёт и жрёт формуляры, приказы, отчёты
И растёт!...»

Лишь себя не узнала.
Мне на миг показалось,
Что над каждым из них – звезда.
Над кошатницей –
 зеленоватый дворовый прищур,
Над бомжом и бомжихой –
 терновые, колкие,
Над чиновником –
 ясная, будто крест колоколенки...
Кто-то взял меня за руку.

Звёзды тихо сходились к воде
По изрытому полю.
Становились в ежистую цепь заграждений.
Заплетались в венок.

Мы стояли, вращая в берег.
И мы знали, что ей не пройти.

*«Семик-Троица,
Богородица...
Мы венок совьём...»*

Не пройти.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

*Летел кулик из-за моря,
Принёс кулик девять замков.
Кулик-кулик, замыкай зиму,
Отворяй весну, тёпло летечко.*

Народное

Кто-то вылепил глиняных птах –
Свиристелей, чижей, зеленушек –
И в апреле вдохнул в них душу.

Мир распят на семи ветрах.
Запирайте, певучие, стужу,
Улетайте, ключами звеня, –
Может, к вырию, может, к раю.
Помяните меня.

Грозы-коршуны. Змеем – молва,
Не услышать благие вести.
И суха на суглинках трава...
Но, как встарь, шелестит:
«Воскресе».

ОСКОЛКИ

I

Дай мне свет её
В тёмных моих ладонях
Пронести, закрывая от ветра.
Господи, Господи.

II

«Всё впереди», –
Думал он, умирая.

III

Тихо-тихо
В светлом колодце
Падают лепестки.

Это приснилось в июне
На смолистой скамейке,
На даче.

СОДЕРЖАНИЕ

В ночное	2
----------------	---

ЛУГОВОЕ ОКНО

«Дождь шуршит, как серебряный стог...»	7
Тридцать лет на печи	8
Калика переходной	11
Степной плач	12
Крылья	14
Колыбельная о Месяце	17
Песня юродивой	18
Ведогони	19
«По рассветной траве...»	20
Луговое окно	22
Свадебная	23
Злое слово	24
Песня оборотники	25
Кремень	26
Елецкие сказки	27
Волку	29
Заиграй-овражки	30
Огненная песня	31
«Холодна в эту пору вода...»	34
На покосах	35
Карта Воронежской области	36
«Был я вхожим в чужие дома...»	38

НОЧЬ В ИНТЕРНЕТЕ

Письмо из Чернолеса	41
Москва – Воронеж	42
Ночь в Интернете	43

«Кто-то скажет, что бред...»	45
Новостройки	46
Заморозок	48
Под вечер	49
Яблоневые сады	50
Песня о лебедях	52
«Лаборант набирает отчёт...»	53
«За багряной рекой...»	54
Отблески	55

ЗАРЯ НАД ПОЛЕМ

Заря над полем	59
----------------------	----

О КОЗЕ ОТПУЩЕНИЯ

Что попало	81
О козе отпущения	82
Страфиль	83
Сон Евы	85
В ожидании радуги	86
«Ночью ударил колокол...»	88
Благовещенье	90
Осколки	91
На садовой скамейке	92

Литературно-художественное издание

Эльвира Олеговна Пархоц

В НОЧНОЕ

Стихи и проза

Верстка О.И. Сотникова
Корректор Н.А. Белявцева

Подписано в печать 30.05.2025 г.
Формат набора 84x108^{1/32}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04.
Заказ № 474. Тираж 300 экз.

Изготовлено по заказу ООО «Пресса ИПФ»
394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143
Отпечатано в АО «Воронежская областная типография»
394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.
www.oblprint.ru
тел.: 8(473)20-20-900

